

Литература

1. Война и мир в терминах и определениях: военно-политический словарь. М.: Вече, 2011. 640 с.
2. Даниленко И.С. Методологические проблемы теории и политики военной безопасности // Безопасность России 2013–2014: экспертно-аналитическое обозрение. М.: Фонд «Наука-XXI», 2014. С. 166–167.
3. Задачи Вооруженных сил Российской Федерации // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://structure.mil.ru/mission/tasks.htm> (дата обращения: 24.01.2019).
4. Морская доктрина Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 26 июля 2015 г. // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (дата обращения: 24.01.2019).
5. Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018.

Literatura

1. *Vojna i mir v terminakh i opredeleniyakh: voenno-politicheskij slovar'*. M.: Veche, 2011. 640 s.
2. *Danilenko I.S. Metodologicheskie problemy teorii i politiki voennoj bezopasnosti // Bezopasnost' Rossii 2013–2014: ekspertno-analiticheskoe obozrenie*. M.: Fond "Nauka-XXI", 2014. S. 166–167.
3. *Zadachi Vooruzhennykh sil Rossijskoj Federatsii // Ministerstvo oborony Rossijskoj Federatsii*. URL: <https://structure.mil.ru/mission/tasks.htm> (data obrashcheniya: 24.01.2019).
4. *Morskaya doktrina Rossijskoj Federatsii: utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii 26 iyulya 2015 g. // Prezident Rossii*. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (data obrashcheniya: 24.01.2019).
5. *Podberezkin A.I. Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke*. M.: Izdatel'skij dom "Mezhdunarodnye otnosheniya", 2018.

DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.03.P.156

УДК 343

С.А. Кутякин, Д.В. Теткин

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ

Анализируются основные исторические этапы возникновения и развития концепции противодействия криминальной оппозиции в местах лишения свободы России. Делается вывод о том, что действующие в среде осужденных законы самоорганизации обусловили формирование в местах лишения свободы России социального феномена, известного под названием «тюремная община». Подчеркивается, что на протяжении всего периода существования тюремной общины официальные власти предпринимали определенные попытки противодействия этому неформальному объединению осужденных и его лидерам. Отмечено, что основные концептуальные положения

Кутякин С.А., Теткин Д.В. Историко-правовой анализ возникновения и развития...

данного противодействия включали меры по изоляции лидеров от других членов тюремной общины, их моральной дискредитации и привлечению их к различным видам ответственности в рамках действующего законодательства.

Ключевые слова: «воры», концепция, криминальная оппозиция, криминальное противодействие, криминальные лидеры, места лишения свободы, «положенцы», преступная среда, «смотрящие», тюремная община.

S.A. Kut yakin, D.V. Tetkin

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EMERGENCE
AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF COUNTERING
THE CRIMINAL OPPOSITION IN PRISONS IN RUSSIA

The main historical stages of the emergence and development of the concept of countering the criminal opposition in places of detention in Russia are analyzed. It is concluded that the laws of self-organization among convicted persons led to the formation of a social phenomenon in the places of deprivation of liberty of Russia, known as the «prison community». It is emphasized that throughout the entire period of the prison community, the official authorities made certain attempts to counteract this informal association of convicts and its leaders. It was noted that the main conceptual provisions of this counteraction included measures to isolate leaders from other members of the prison community, discredit them morally and bring them to various types of responsibility under the current legislation.

Keywords: “thieves”, concept, criminal opposition, criminal counteraction, criminal leaders, places of deprivation of liberty, “laymen”, criminal environment, “looking”, the prison community.

Действующие в социальной среде мест лишения свободы законы самоорганизации приводят к созданию среди содержащихся там осужденных так называемой тюремной общины. Данная община живет по собственным неформальным правилам («понятиям»), имеет своих неформальных лидеров («воров», «смотрящих», «положенцев», «авторитетов», «блатных»), которые обладают значительными властными полномочиями в преступной среде [3]. Таким образом, в местах лишения свободы существует две «параллельные» власти: криминальные лидеры и администрация, – которые не только находятся в оппозиции друг к другу, но и стремятся доминировать по степени своего влияния над сообществом осужденных [10]. История этого противодействия насчитывает много веков и берет свое начало

с момента появления на Руси первых тюрем, где осужденные содержались совместно друг с другом и самоорганизовывались в тюремные общины.

Возникновение отдельных элементов концепции противодействия криминальной оппозиции в местах лишения свободы приходится на вторую половину XVI в. К этому времени относится издание Именного указа «О невзимании тюремщиками с приводимых в тюрьму влзного», объявленного окольничим Языковым. Этим указом государство преследовало цель оградить арестантов-новичков от поборов со стороны закоренелых преступников. В тексте указа было записано буквально следующее: «...впредь тюремным сидельцам влзного с новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, имать не велено, чтоб в том

бедным людям тяготства и мучительства не было» [9, с. 61]. По своей сути, это была одна из первых попыток организации противодействия тюремной общине и ее лидерам со стороны государства.

В XIX в. появляются публикации первых в России научных работ, в которых встречается описание мер противодействия криминальному сообществу в местах лишения свободы. Известный русский юрист и ученый Н.С. Таганцев видел преимущества одиночного заключения в обеспечении возможности тщательного изучения характера и наклонностей арестанта, а также индивидуализации его наказания. По его мысли, одиночное заключение оказывает положительное воздействие как на криминально зараженных, так и относительно благополучных в этом отношении арестантов, которым чужды законы преступного мира. Одиночное заключение, считал Н.С. Таганцев, позволяет исключить вредное влияние преступной среды и ее заправил, «устраняя возможность того страшного тюремного товарищества, которое делает тюрьму рассадником общественных зол, которое неопытного новичка, робко ступающего на скользкую почву преступности, через какие-нибудь два-три месяца выпускает опытным бойцом, основательно прошедшим курс соответствующих знаний» [18, с. 299–317].

При этом Н.С. Таганцев подвергал критике сторонников законодательного закрепления в местах лишения свободы производительно-потребительных артелей из числа арестантов. Согласно его мнению, видя в арестантской артели проявления «народного принципа», они не учитывали отрицательных качеств артельного объединения арестантов. Он считал, что в условиях тюрем «артель приобретает власть над своими членами и то полнейшее противодействие, которое скрепленный самим

законом преступный кружок будет оказывать всяким пенитенциарным попыткам» [18, с. 310]. Следует сказать о том, что фактическими руководителями тюремной общины являлись тюремные, камерные и артельные старосты из числа «бродяг». Вот что пишет, характеризуя эту категорию преступников, Л. Мельшин: «Бродяги, вообще, являются сущим наказанием каждой партии. Они занимают все хлебные, доходные места: они старосты и подстаросты, повара, хлебопеки, больничные служители, майданщики, они все и везде» [11, с. 16].

Пытаясь бороться с этим явлением, тюремная администрация вводила различные ограничения по назначению «бродяг» на должность тюремных и камерных старост. Окончательный запрет на существование должностей тюремных старост был продиктован Общей тюремной инструкцией, принятой 28 декабря 1915 г. Именно этим законодательным актом фактически упразднялось существование тюремной общины во главе со старостами.

Основным средством противодействия криминальной идеологии тюремной общины в XIX в. являлось религиозно-нравственное воспитание арестантов через духовников и Попечительное о тюрьмах общество. Священник приходился духовным отцом и наставником осужденным. Главным средством нравственного исправления арестантов являлся надзор за исполнением ими священных обязанностей веры.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. основные концептуальные положения противодействия криминальной оппозиции сводились к официальному запрету института тюремных старост и ужесточению карательной политики по отношению к лидерам тюремной общины – «бродягам».

Период застоя в развитии концепции противодействия криминальной оппози-

Кутякин С.А., Теткин Д.В. Историко-правовой анализ возникновения и развития...

ции в местах лишения свободы напрямую связан с революционными событиями 1917 г. Во многом это обусловлено тем, что революционно-террористические организации уже задолго до октябрьских событий 1917 г. стремились установить тесную связь с криминальным миром.

Политика либерального отношения к криминальному элементу достигает своего апогея сразу после Февральской революции 1917 г. Объявленная Временным правительством 18 марта 1917 г. амнистия осужденным за уголовные преступления приводит к тому, что «на волю вырывается армия уголовников, десятками лет гнившая в царских застенках, озлобленная, голодная, босая, без призора и пристанища, не пригретая обществом и государством, которая принимается за свое испытанное ремесло» [6].

После того как прошла «революционная эйфория», государство начало наводить в стране порядок. Во второй половине 1918 г. советская власть переходит к террору по отношению не только к своим политическим противникам, но и к профессиональным уголовным преступникам. Вместе с тем в этот период наблюдается крайняя непоследовательность со стороны государства в разработке и реализации концепции противодействия криминальной оппозиции в местах лишения свободы. Прежде всего это касалось карательной политики государства. Во-первых, помимо заключения преступников во вновь созданные концентрационные лагеря, народные суды широко применяли к ним условное осуждение. Во-вторых, слабость режима и надзора в концентрационных лагерях, а также коррумпированность отдельных сотрудников негативно влияли на противодействие криминальным авторитетам: «Что стоит рецидивисту уйти из концентрационного лагеря – ничего. Я скажу

больше, что последние в известных случаях служили прикрытием для злоумышленников – мы знаем факты, когда заключенные этих мест входили сплошь и рядом в сделку с администрацией лагеря и уходили на ночь на “работу”, “возьмет” тот или иной склад, сбудет товар и под утро он снова в лагере, и таким образом он становится для нас неуязвимым» [6].

Вследствие того, что советская власть объявила войну Церкви, места лишения свободы теряют главный идеологический инструмент противодействия криминальной оппозиции в лице священнослужителей. Фактически тюрьмы и концентрационные лагеря в первые годы советской власти перестали оказывать какое-либо противодействие криминальной оппозиции, кроме попыток ее физической изоляции от общества.

Рост преступности в стране и активность ее лидеров в местах лишения свободы заставляют государство пересмотреть свои взгляды на концепцию противодействия криминальной оппозиции. Руководство ВЧК, осознав, что «поголовное уничтожение всей массы преступников этой категории невозможно, а исправление мерами заключения в тюрьмах и лагерях на территории Республики совершенно не достигает цели», приходит к выводу о необходимости изоляции лидеров криминального мира от остальных осужденных во вновь организованные северные колонии.

В качестве основного средства исправительного воздействия в этих колониях предполагалось использовать труд и строгий режим содержания. При этом разработчики концепции полагали, что у помещенных в колонии лиц не будет иного выбора, как трудиться «в силу условий, в которые ставится каждый обитатель этих колоний». По мнению авторов концепции, «все эти условия дают возможность почти

без всяких усилий и труда создать определенную дисциплину, самых непокорных быстро приучают к порядку и подчинению, и в кратчайший срок самая забубенная головушка, для которой никогда не существовало никаких законов, становится трудолюбивым, работающим и исполнительным работником» [5].

Один из ключевых моментов концепции противодействия криминальной оппозиции заключался в фактически узаконенном бессрочном содержании осужденных «впредь до исправления». Право освобождения тех или иных лиц из этих колоний предоставлялось «полномочному представителю ВЧК по Северному краю» [Там же]. Бессрочное содержание являлось практической мерой реализации концепции противодействия криминальной оппозиции, наиболее точно сформулированной Б. Утевским в его статье «Преступность и рецидив» (1927 г.). Он полагал, что бороться с трудно исправимыми и профессиональными преступниками можно только «путем долгосрочного, на неопределенный срок налагаемого (превентивного) их заключения» [19].

Однако, как показала практика реализации концепции противодействия криминальной оппозиции, в северных лагерях сложилась система всяческого ущемления заключенных, издевательства над ними при их полном бесправии. При этом уголовные авторитеты, заняв в лагере низовые административно-распорядительные должности, играли не последнюю роль. Все отношения между осужденными строились по принципу «блата».

Ввиду отсутствия сколько-нибудь значимых научных исследований содержания деятельности исправительных учреждений и научной методологии изучения преступности в СССР в 30–50-х гг. XX в. концепция противодействия криминальной

оппозиции не получила должного теоретического развития. Исследования проблем противодействия криминальной оппозиции в местах лишения свободы носили секретный и сугубо прикладной, ведомственный характер.

Отдельно в этом ряду стоит секретное практическое пособие В.И. Монахова. В нем автор – практический работник предпринимает попытку исследования проблемы группировок «воров в законе» и предлагает меры, направленные на их ликвидацию и нейтрализацию разлагающего влияния на других осужденных. Секретными были и все другие пособия, по которым обучались курсанты в учебных заведениях НКВД, МВД. Во многом это объяснялось закрытостью сферы исполнения наказания, а также тем, что профессиональная преступность в указанный период рассматривалась как «пережиток прошлого», доставшийся в наследие от царского режима. В свою очередь, это привело к недопустимому разрыву между теорией и практикой, отходу многих квалифицированных ученых от криминологических исследований [7, с. 217].

На практике администрация исправительно-трудового лагеря, не имея сколько-нибудь внятной научной и нормативной основы противодействия «ворам», всеми силами стремилась разобщить и ликвидировать «воровские» общины: «Советская власть борется с ворами своими испытанными средствами (например, “разделяй и властвуй”» [14, с. 12]. Для этого широко использовались группировки «ссучившихся воров», изменивших «воровскому закону». Попытки администрации в борьбе с «ворами» опереться на коллаборационистов из числа уголовников привели к грубым нарушениям законности и дезорганизации внутриагитационной жизни [8, с. 101].

Кутякин С.А., Теткин Д.В. Историко-правовой анализ возникновения и развития...

Большое значение для развития концепции противодействия криминальной оппозиции имела реформа уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, проведенная в 50–60-х гг. XX в. После принятия Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик система исправительно-трудовых колоний была перестроена. Теперь она включала колонии общего, усиленного, строгого и особого режимов. Это позволило изолировать «воров» и преступных «авторитетов», как правило являвшихся рецидивистами, от лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Наряду с этим в науке исправительно-трудового права начинает активно разрабатываться теория идеологического перевоспитания рецидивистов. В процессе воспитательной работы предполагалось осуществлять замену «порочных преступных представлений представлениями, основанными на коммунистической идеологии» [20, с. 175]. Режим, труд и политико-воспитательная работа становятся основными средствами исправительно-трудового воздействия. Таким образом, концепция противодействия криминальной оппозиции дополняется идеологическими методами, включающими разоблачение «воров» и их «законов» средствами печати, кино, художественной литературы, привитие молодежи чувств ненависти и презрения к ворам-рецидивистам [12, с. 51].

Важным направлением развития концепции противодействия криминальной оппозиции является теоретическая разработка прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы. Идея реализации в деятельности исправительно-трудовых учреждений основных принципов прогрессивной системы режимов была в свое время сформулирована в ст. 50

Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. Она предполагала, что «режим в местах заключения строится по прогрессивной системе так, чтобы, в зависимости от характера и свойств заключенных и продолжительности их пребывания в том или ином исправительно-трудовом учреждении, они могли в большей или меньшей степени проявлять свою самостоятельность».

В соответствии с этим заключенные делились на разряды. При переходе от низшего разряда к высшему росло число льгот, предоставляемых заключенному. Для профессиональных преступников-рецидивистов переход из разряда в разряд обставлялся рядом дополнительных условий. Элементы прогрессивной системы режимов, содержащиеся в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г., были полностью опущены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. Затем, в 1954–1956 гг., вновь проявились начала прогрессивной системы в виде деления исправительно-трудовых лагерей на лагеря облегченного, общего, строгого и специального строгого режимов и возможности перемещения заключенных с одного вида режима на другой.

Однако реформа 1961 г. значительно уменьшала начала прогрессивной системы отбывания наказания. Так, рецидивисты содержались весь срок в колонии строгого режима. Особо опасные рецидивисты имели право по ходатайству администрации при хорошем поведении, добросовестном отношении к труду по отбытии не менее половины срока наказания на перевод в колонию строгого режима. Вместе с тем идея реализации основных принципов прогрессивной системы режимов разделялась такими учеными, как Б.С. Утевский, А.А. Беляев, А.Л. Ременсон, А.П. Кузнецов, Ю.А. Фролов, Н.Ф. Козлов, А.М. Яковлев [16].

Так, А.А. Ременсон отстаивал необходимость индивидуализации наказания в рамках прогрессивной системы путем перевода осужденного по мере его исправления с особо строгих условий содержания к менее строгим, а от них – к полусвободному режиму [17]. Активизация теоретических и практических мер по разработке и реализации концепции противодействия криминальной оппозиции дала определенные результаты. К середине 60-х гг. XX в. преступные группировки в местах лишения свободы как массовое явление перестали существовать. В свою очередь, это послужило основой для преждевременного вывода о ликвидации в местах лишения свободы «воров» и руководимых ими группировок и обусловило стагнацию в развитии концепции противодействия криминальной оппозиции.

Начиная со второй половины XX в. концепция противодействия криминальной оппозиции включает метод моральной дискредитации «воров» и других криминальных лидеров в глазах остальных осужденных. В теории и практике противодействия криминальным лидерам этот метод получил название «развенчивание» [13]. Его содержание заключается в том, что сотрудники искусственно создают условия, в которых лидеры ставятся перед выбором: или нарушить неформальные нормы «воровского закона», или терпеть лишения. В некоторых случаях эти лишения носят характер не только физических, но и нравственных страданий.

Так, например, в 80-х гг. XX в. в едином помещении камерного типа Усольского УЛИТУ «Белый лебедь», куда помещались «воры» и «авторитеты» со всей страны, практиковался следующий способ их моральной дискредитации. Осужденные хозяйственной службы, работающие на раздаче пищи («баландеры»), по указанию руководства ЕПКТ были замене-

ны осужденными, принадлежащими к категории «опущенных». Неформальные нормы арестантской этики запрещают не только брать что-либо из рук «опущенных», но и даже просто касаться их. Взяв еду из рук «опущенных», осужденный сам становится «опущенным». «Воры» и «авторитеты» отказались от приема пищи и обратились с жалобой к прокурору по надзору за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. В жалобе они заявили, что отказываются брать пищу из рук «опущенных» и требовали убрать их из хозяйственной obsługi. Надзирающий прокурор не нашел в действиях администрации ЕПКТ нарушений закона. «Ворам» и «авторитетам» было объяснено, что для закона все неформальные категории осужденных формально равны. Уголовный закон вообще не выделяет каких-либо категорий (или типов) преступников [1, с. 8]. Поэтому использование «опущенных» в качестве раздатчиков пищи не является нарушением закона. Перед «ворами» и «авторитетами» встала дилемма: страдать от голода либо взять пищу из рук «опущенного», автоматически приняв на себя этот статус. Правда, существовал еще один выход из этой ситуации. «Вор» или «авторитет» должен был публично отречься от жизни «по понятиям». Публичное отречение заключалось в выступлении по местному радио с обращением к другим осужденным покончить с «воровскими законами», обычаями и традициями. «Вор» или «авторитет», отрекшийся от этого «звания», переходил в неформальную категорию «сук». Многие, не выдержав испытания голодом, отказывались от «воровской» жизни и «ссучивались». Именно тогда в среде осужденных родилась поговорка: «Хватит мучиться, пора “ссучиться”».

Существуя до настоящего времени, «развенчивание» преступных «авторите-

Кутякин С.А., Теткин Д.В. Историко-правовой анализ возникновения и развития...

тов» нормативно никак не урегулировано. В то же время этот способ имеет достаточно длительную историческую практику в местах лишения свободы и считается одним из наиболее эффективных методов борьбы с криминальной оппозицией. Многие ученые и практики придерживаются мнения о необходимости создания в исправительных учреждениях таких условий отбывания наказания, которые бы вынуждали неформальных лидеров нарушать «арестантский кодекс чести» [2, с. 144; 4, с. 3; 15, с. 49–61].

Характерной особенностью развития концепции противодействия криминальной оппозиции в конце XX – начале XXI в. является то, что государство начинает уделять все больше внимания противодействию организованной преступности, совершенствуя его организационно-правовые формы. В Главном управлении ис-

полнения наказаний (ГУИН) МВД СССР, а затем и в ГУИН МВД Российской Федерации создаются специализированные оперативные подразделения по борьбе с организованной преступностью. Разрабатываются теоретические и правовые основы уголовно-правового, уголовно-процессуального, исправительно-трудового (уголовно-исполнительного), криминалистического, криминологического и оперативно-розыскного противодействия криминальной оппозиции в местах лишения свободы. Вместе с тем основное содержание концепции противодействия криминальной оппозиции практически не меняется и по-прежнему включает в качестве своих ключевых компонентов идеи уголовного преследования криминальных лидеров, их изоляции и компрометации в глазах других осужденных.

Литература

1. Антонян Ю.М. Понятие особо опасного преступника // Россия: от реформ к стабильности: научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Вып. 2009. М., 2009.
2. Барабанов Н.П., Березенко Л.А. Криминологические, уголовно-правовые и организационные меры предупреждения формирования преступных групп и их криминальной деятельности в исправительных колониях: монография. Рязань, 2004.
3. Билоус Е.Н., Кутякин С.А., Напханенко И.П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм («понятий») в среде осужденных к лишению свободы // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 82–87.
4. Горяинов К.К., Хромов И.Л. Нейтрализация криминального влияния группировок отрицательной направленности на осужденных: методические рекомендации. М.: НИИ ФСИН России, 2005.
5. Записка уполномоченного по организации и устройству лагерей ВЧК Председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому об устройстве Северных колоний ВЧК от 24 января 1922 г. // ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 28. Л. 3–6 об. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000692> (дата обращения: 27.10.2011).
6. Из доклада начальника Московского управления уголовного розыска Фреймана на съезде заведующих отделами управления Московской губернии о состоянии преступности и борьбе с ней в губернии от 20 мая 1921 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 483. Л. 195–198 об. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/73179> (дата обращения: 10.02.2018).
7. Касаткин Ю.П. Очерк изучения преступности в СССР // Проблемы искоренения преступности. М.: Юридическая литература, 1965. С. 187–225.
8. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.): монография. М., 1991. 132 с.

9. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России: история и документы: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 848 с.
10. *Кутякин С.А.* Современная парадигма криминальной организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // *Человек: преступление и наказание.* 2013. № 4. С. 9–12.
11. *Мельшин А. (Якубович П.Ф.).* В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907.
12. *Монахов В.И.* Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М.: Изд-во Политотдела ГУИТК МВД СССР, 1957. 83 с.
13. О формах и методах развенчивания лиц, причисляющих себя к «ворам в законе», и иных лидеров уголовно-преступной среды в ИТК. М.: ВНИИ МВД СССР, 1987.
14. *Олешкевич В.И., Александров Ю.К.* Несовершеннолетние: тюрьма и воля. М.: Права человека, 1999. 96 с.
15. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них / под общ. ред. Ю.М. Антоныяна. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989.
16. Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961.
17. *Ременсон А.А.* К вопросу об основных путях эволюции исправительно-трудового права // *Избр. тр.* Томск, 2003. С. 54–55.
18. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 688 с.
19. *Утевский Б.* Преступность и рецидив // *Современная преступность.* М.: Издательство НКВД РСФСР, 1927. С. 44.
20. *Яковлев А.М.* Преступность и социальная психология. М., 1971.

Literatura

1. *Antonyan Yu.M.* Ponyatie osobo opasnogo prestupnika // *Rossiya: ot reform k stabil'nosti: nauchnye trudy IMPE im. A.S. Griboedova.* Vyp. 2009. М., 2009.
2. *Barabanov N.P., Berezenko L.A.* Kriminologicheskie, ugovolno-pravovye i organizatsionnye mery preduprezhdeniya formirovaniya prestupnykh grupp i ikh kriminal'noj deyatel'nosti v ispravitel'nykh koloniyakh: monografiya. Ryazan', 2004.
3. *Bilous E.N., Kutyakin S.A., Napkhanenko I.P.* Antagonisticheskij kharakter faktorov, obuslovlivayushchikh vozniknovenie neformal'nykh tyuremnykh norm ("ponyatij") v srede osuzhdennykh k lisheniyu svobody // *Filosofiya prava.* 2016. № 1 (74). С. 82–87.
4. *Goryainov K.K., Khromov I.L.* Nejtralizatsiya kriminal'nogo vliyaniya gruppirovok otritsatel'noj napravlenosti na osuzhdennykh: metodicheskie rekomendatsii. М.: NII FSIN Rossii, 2005.
5. Zapiska upolnomochennogo po organizatsii i ustrojstvu lagerej VCHK Predsedatelyu VChK F.E. Dzerzhinskomu ob ustrojstve Severnykh kolonij VChK ot 24 yanvarya 1922 g. // *TsA FSB Rossii.* F. 1. Op. 6. D. 28. L. 3–6 ob. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000692> (data obrashcheniya: 27.10.2011).
6. Iz doklada nachal'nika Moskovskogo upravleniya ugovolnogo rozyska Frejmana na s'ezde zaveduyushchikh otdelami upravleniya Moskovskoj gubernii o sostoyanii prestupnosti i bor'be s nej v gubernii ot 20 maya 1921 g. // *TsGAMO.* F. 66. Op. 1. D. 483. L. 195–198 ob. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/73179> (data obrashcheniya: 10.02.2018).
7. *Kasatkin Yu.P.* Oчерк izucheniya prestupnosti v SSSR // *Problemy iskoreneniya prestupnosti.* М.: Yuridicheskaya literatura, 1965. С. 187–225.
8. *Kuz'min S.I.* Ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya v SSSR (1917–1953 gg.): monografiya. М., 1991. 132 с.

Отарашвили З.А., Савенкова А.З. Деловая репутация юридических лиц как условие...

9. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya i dokumenty: v 6 t. T. 2. M.: Mysl', 2003. 848 s.
10. Kutyakin S.A. Sovremennaya paradigma kriminal'noj organizatsii (samoorganizatsii) i kriminal'nogo menedzhmenta v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 4. S. 9–12.
11. Mel'shin L. (Yakubovich P.F.). V mire otverzhenykh. Zapiski byvshego katorzhnika. 4-e izd. SPb., 1907.
12. Monakhov V.I. Gruppirovki vorov-retsidivistov i nekotorye voprosy bor'by s nimi. M.: Izdvo Politotdela GUITK MVD SSSR, 1957. 83 s.
13. O formakh i metodakh razvenchivaniya lits, prichislyayushchikh sebya k "voram v zakone", i inykh liderov ugolovno-prestupnoj sredy v ITK. M.: VNII MVD SSSR, 1987.
14. Oleshkevich V.I., Aleksandrov Yu.K. Nesovershennoletnie: tyur'ma i volya. M.: Prava cheloveka, 1999. 96 s.
15. Osobo opasnye lidery v ITU i vospitatel'noe vozdejstvie na nikh / pod obshch. red. Yu.M. Antonyana. M.: VNII MVD SSSR, 1989.
16. Problemy razvitiya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. Saratov, 1961.
17. Remenson A.L. K voprosu ob osnovnykh putyakh evolyutsii ispravitel'no-trudovogo prava // Izbr. tr. Tomsk, 2003. S. 54–55.
18. Tagantsev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo: v 2 t. T. 2. Tula: Avtograf, 2001. 688 s.
19. Utevskej B. Prestupnost' i retsidiv // Sovremennaya prestupnost'. M.: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1927. S. 44.
20. Yakovlev A.M. Prestupnost' i sotsial'naya psikhologiya. M., 1971.

DOI: 10.25586/RNUV9276.19.03.P.165

УДК 336.713:657.92

З.А. Отарашвили, А.З. Савенкова

ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассматривается зависимость деловой репутации предприятия от инновационного уровня развития, анализируется влияние деловой репутации на благонадежность той или иной организации и на доказательства должной осмотрительности. Также отмечается воздействие деловой репутации на конкурентоспособность и способность реализации инновационных стратегий юридического лица.

Ключевые слова: гудвилл, деловая репутация, инновационный уровень развития, юридическое лицо, доказательства должной осмотрительности.

Z.A. Otashvili, A.Z. Savenkova

BUSINESS REPUTATION OF LEGAL ENTITIES AS A CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE STRATEGIES OF THE ENTERPRISE

The dependence of the business reputation of an enterprise on the innovation level of development is considered, the impact of business reputation on the reliability of an organization and on evidence of